

Общая тема секции «Кризис цивилизации: будущее человека и человечества» сопрягает между собой понятия кризиса цивилизации и будущего. Именно этому сопряжению посвящены предлагаемые заметки.

1. Словосочетание «кризис цивилизации» прочно вошло в нашу общегуманитарную лексику. Оно, на мой взгляд, не имеет сколько-нибудь строгого понятийного содержания и скорее является концептом, обозначающим широкую совокупность разнообразных явлений, когда успехи, к которым стремятся и которых добиваются люди, оборачиваются угрозами и опасностями для них. Так произошло, например, с достижениями ядерной физики, обернувшимися созданием атомного оружия, или с бурным промышленным развитием, ставшим, как уверяют многие специалисты, причиной опасного потепления климата. Речь идет не просто о противоречивости и трудностях цивилизационного развития, а об особом — апокалиптическом — их восприятии.

Существует много свидетельств такого восприятия. Вот лишь некоторые из них. В философии истории получили популярность циклические теории, противостоящие идеям линейного прогресса, как,

¹ Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Философия — мысль и поступок», «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней» и др. Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегий журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

А. А. Гусейнов¹

БУДУЩЕЕ БЕЗ БУДУЩЕГО

например, учения Н. Я. Данилевского, А. Тойнби. В XX веке были три великих моралиста, получивших всемирную известность и признание, — Л. Н. Толстой, Махатма Ганди, Альберт Швейцер — и все трое были противниками современной цивилизации в ее важнейших аспектах. В художественной фантастике едва ли не превалирующими стали катастрофические сюжеты (война с инопланетянами, бунт роботов против людей и т. п.). Вызывают широкий интерес и привлекают общественное внимание пессимистические прогнозы социологов, как, например, статьи С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, Ф. Фукуямы о конце истории.

Еще один факт. На обложке научного журнала Чикагского университета “Bulletin of Atomic Scientists” с 1947 года изображены часы, показывающие без нескольких минут полночь. Полночь в данном случае символизирует ядерную катастрофу, несущую гибель человечеству, а само изображение получило название «Часы Судного дня». Суждение о том, насколько мы близки к ядерному апокалипсису, выносит совет директоров журнала вместе с приглашенными экспертами, среди которых около двух десятков нобелевских лауреатов. В 1947 году часы показывали без 7 минут полночь. В 1991-м стрелка была отодвинута назад до 17 минут, и это был самый оптимистический прогноз за эти почти 60 лет, если вообще позволительно говорить об оптимизме, когда речь идет об отсчете времени до конца света. Последние два года часы показывали без 3 минут полночь. По итогам выборов президента в США стрелки были передвинуты на 30 секунд вперед, и до ядерной полуночи, таким образом, остается 2,5 минуты. Настроения, оценки, ожидания и страхи — это, конечно, не научные утверждения и прогнозы

зы. Но тем не менее они являются важным симптомом. И надо понять, что за ним стоит.

2. Одна из причин широкой распространенности упаднического настроения конца света, можно предположить, заключается в том, что человечество осталось без будущего. Будущее, как категория человеческого существования, как минимум двузначно. Это вытекает из различия между физическим и социальным временем в том виде, в частности, как это различие описано А. А. Зиновьевым в книге «Фактор понимания».

Физическое время фиксирует последовательность событий в мире, при этом события являются лишь опорными точками для абстрагирования времени, а сами по себе в эмпирическом содержании в расчет не принимаются. Социальное время сфокусировано на самих событиях, содержании объектов, реальной жизни во времени. В аспекте физического времени будущее есть то, что будет происходить после того времени, от которого ведется отсчет и которое считается настоящим; соответственно прошлым является то, что происходило до этого времени. Здесь будущее отделено от прошлого границей настоящего, которое и есть не что иное, как эта граница (как заметил Ортега-и-Гассет, «настоящее — лишь наличие прошлого и будущего, то единственное место, где они реально существуют»¹). В аспекте социального времени будущее — не просто то, что происходит после, как и прошлое не то, что было до того времени, которое отделяет «до» от «после» и именуется настоящим. Здесь эти категории содержательны и варьируются в зависимости от реальной жизни социальных субъектов (отдельных людей или их сплоченно действующих объединений).

«Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это — протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, — как будто время есть нечто застывшее»². В социальном будущем (как, впрочем, и в социальном прошлом) решающим является то, что оно благодаря сознанию субъекта включено в его реальную жизнь, становится его настоящим. Как категория исторического, социального бытия человека, будущее открыто, на него можно повлиять. Здесь на первый план выходит вопрос о том, каким будет то, что случится после, на какое будущее мы можем рассчитывать и надеяться и, самое главное, на какое будущее нам следует работать. Будущее в таком понимании выступает как желательное и более совершенное состояние человека и его деятельности по сравнению с тем, что есть, — то, что человек хочет, чтобы было, и к чему он стремится.

3. Понятие времени, его членение на прошлое, настоящее и будущее связаны с осмыслением человеком своей жизни как разворачивающейся во времени, говоря точнее, с осмыслением того, как он сам может влиять на свою жизнь, направлять, проектировать ее. Само отношение человека к своему существованию

как бытию во времени — важная веха в его историческом самосознании, момент преемственности культуры как специфичного для человека механизма наследования. При этом ориентированность в социальном времени может иметь разную (в том числе крайне низкую, почти отсутствующую в примитивных обществах) степень выраженности и разную направленность. Для нас важно отметить, что она не всегда и необязательно обращена в будущее (достаточно сослаться на древние представления о «золотом веке» в прошлом, на консервативный вектор общественных процессов, на религиозное перенесение будущего в потусторонний мир). Направленность общественного сознания и практики на устройство жизни в будущем — это особый случай, характерный для современной, в частности и в особенности, европейской цивилизации Нового времени, которая возникает и развивается под знаком прогресса. Для этой цивилизации и для нас, принадлежащих к ней, грядущее — это преимущественно лучшее будущее. В нашем случае «после» и «лучше» сливаются. Наш язык не исключает сопряжение с будущим пессимистических определений (например, печальное будущее), но более для него привычны оптимистические выражения: счастливое будущее, светлое будущее, блестящее будущее и т. п.

4. Представление о лучшем будущем также является двояким. В одном случае будущее понимается преимущественно как более совершенное настоящее, связывается с возрастанием интеллектуальных и технических возможностей общества. При таком подходе прогресс совпадает с контролем над будущим как физическим временем, будущее рассматривается как улучшенная пролонгация того, что есть: мы живем лучше (богаче, комфортнее и т. д.), чем наши родители, наши дети будут жить лучше, чем мы. Это, если можно так выразиться, чисто технический взгляд на будущее, которое кардинально не затрагивает социальных форм жизни, даже если они оцениваются негативно. К примеру, ставится вопрос о сокращении разрыва между бедными и богатыми, но не о его преодолении, об улучшении условий содержания в тюрьмах, но не об искоренении преступности и т. п. Предполагается, что человек в силу своей изначальной природы нацелен на собственную выгоду и доминирование. Благодаря разумному устройству жизни можно ограничить, упорядочить, смягчить деструкции поведения людей и их взаимных отношений, подобно тому как можно противостоять разрушительным проявлениям природных стихий, но нельзя устранить их. Классическим примером такого взгляда является, например, учение Гоббса, исходящее из базовой установки, что человек человеку — волк.

Второй взгляд на будущее является сугубо социальным и исходит из того, что оно есть не просто улучшенное настоящее, а нечто качественно иное. Опять цитируя Ортегу-и-Гассета, «одному Богу известно, что будет завтра, и это тайно радует нас, потому что лишь в открытой дали, где все неожиданно, все возможно, и есть настоящая жизнь, подлинная полнота жизни»³. Именно принципиальная открытость будущего позво-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСЕ, 2002. С. 207.

² Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. С. 464.

³ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 35.

ляет сопрягать его с идеальным состоянием и мыслить как нечто само по себе совершенное. Его образ формируется не по аналогии с настоящим, а на основе фантазии и, как правило, по контрасту с устаревшим, несправедливым и ненавистным настоящим, как его отрицание, часто просто переворачивание. Следует заметить, что мысленное преодоление наличного положения вещей представляет собой основной механизм возникновения идеальных представлений о человеке и обществе.

Так, например, в середине I тыс. до н. э. было сформулировано золотое правило нравственности («не делай другому того, чего не желаешь себе»), которое обозначило гуманистическую основу нравственных усилий всего последующего развития вплоть до наших дней. Его появление может считаться чем-то совершенно невероятным для той еще полуварварской эпохи, между тем оно может быть осмыслено в качестве законного продукта своего времени, если принять во внимание, что оно является отрицанием господствовавшего тогда механизма социальной регуляции — талиона («око за око, зуб за зуб»). Идеально-романтический взгляд на будущее исходит из представления о самодостаточной мощи и неисчерпаемых возможностях человека. Он был заложен эпохой Возрождения с его культом человека, получил воплощение в различных родах коммунистических утопиях. В его основе лежит представление об изначальном стремлении человека к добру, его неограниченных возможностях в стремлении к совершенству. Такой взгляд на человека развивал, например, Жан-Жак Руссо.

5. Два взгляда на будущее, один из которых понимает его как улучшенное продление настоящего, а другой — как его кардинальное преобразование, были не просто и не только двумя философскими платформами. Они являлись также двумя доминантами исторического развития в Новое время, широко представленными в практике социально-политической борьбы и закреплёнными в формах общественного сознания. Их можно обозначить как эволюционно-охранительную и революционно-критическую тенденции восходящего, прогрессивного общественного развития: первая видела в будущем пространство для продолжения настоящего, не находя в нем самостоятельного источника для того, чтобы мир стал другим; вторая рассматривала будущее в идеальной перспективе, как возможность для исторического творчества, качественного обновления форм жизни. Они были не только фактически различны, но и осознавали свои различия и находились во взаимной борьбе, в которой одерживала верх то одна тенденция, то другая, в зависимости от чего и эпохи (периоды) в развитии общества именовались революционными и стабильными (мирными, эволюционными). Не только эпохи, но и различные социумы и народы также, видимо, отличаются мерой склонности к той или иной ориентации на будущее. Так, например, различаются приверженность англичан к общественному развитию в рамках традиций и потенциальная готовность французов к революционным решениям проблем; также стало общим местом противопоставление деловитости и прагматизма американцев, надеющихся

на себя, мечтательности и бытовой неорганизованности русских, надеющихся еще и на «авось».

6. Стабильно-охранительная и революционно-критическая линии общественного развития Нового времени, в решающей мере определявшие состав и характер сил, в сложной и разносторонней борьбе которых складывалась в этот период большая история, имели своим предметом отношение к капитализму как к универсальной экономической формации. Речь шла именно об этом, об отношении к капитализму как к высшей форме развития на базе частной собственности и вытекающих из нее форм господства и подчинения в обществе; о том, является ли он последним словом истории, неисчерпаемо способным к эволюции на собственной основе, или он неприемлем именно в своих основаниях, своим буржуазным духом и подлежит уничтожению (в той или иной форме), ибо подлинное, достойное человека царство свободы, равенства и братства лежит за ним. Предметом противостояния и борьбы было будущее капитализма. Вопрос в том, является ли этим будущим сам капитализм в его постоянно совершенствующемся виде, — иначе говоря, захвачено ли будущее капитализмом навсегда и тем самым вопрос о будущем в социальном, историческом смысле закрыт, — или будущее остается свободным резервуаром для исторического творчества и капитализм неизбежно обречен на гибель, а будущее не может не быть антикапитализмом. Историческая критика капитализма приняла форму всесторонне обоснованного проекта и обрела всемирные масштабы с возникновением марксистской идеологии и организованной под ее знаменем общественно-политической борьбы пролетариата как основного угнетенного при капитализме класса.

С победой в России в 1917 году антикапиталистической революции и образованием на одной шестой территории Земли социалистического государства эти две тенденции общественного развития, которые до этого противоречиво сплетались в рамках одних и тех же общественных организаций, оформились в противостоящие лагеря: на одной стороне Советский Союз, первоначально один, позже во главе социалистического лагеря, куда в середине 1980-х годов входили 15 стран, на другой стороне — развитые капиталистические страны, консолидировавшиеся после Второй мировой войны во главе с США. Это была не обычная борьба конкурирующих сил за овладение чем-то, что равно дорого и на что претендует каждая из борющихся сторон: за рынки, территории, богатства и т. д. Это было всемирно-историческое идейное противостояние за разное понимание общественного жизнеустройства, смысл которого состоял в самом этом идейном противостоянии, а не в каких-то достигаемых в результате данного противостояния конкретных целях. Ведь социалистическое общество в том виде, в каком оно сложилось в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря, в максимальной (и как оказалось в чрезмерной) степени было ориентировано на будущее и заявляло себя как альтернативу капитализму, более счастливое и гуманное будущее для человечества, чем капитализм. На кону были разные пути развития общества. Вопрос стоял

так: быть или не быть истории как движению к идеальному будущему.

Это противостояние социализм проиграл, оставим в стороне вопрос почему (пусть закономерно), не будем говорить как (пусть бездарно), но проиграл. Выдержав военные нападения, выстояв в кровавых схватках, когда, по всем расчетам, он, казалось, не мог и не должен был выиграть, социализм проиграл в холодной войне, проиграл тогда, когда, опять-таки по всем расчетам, не должен был проиграть. Заметим кстати, сам характер поражения свидетельствует о том, что это была не обычная борьба за власть и территории; тогда, когда речь шла о власти и территории, в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, СССР выиграл невероятным образом. Он проиграл, когда борьба перешла в плоскость идейного противостояния и моральной выдержки. Поражение Советского Союза вместе с его союзниками имело многочисленные следствия: развал Советского государства, расширение западного военного блока, обнищание и духовная деградация населения, разрастание конфликтных очагов в мире и пр.

Однако одним из самых основных следствий явилось то, что прервалась идеально ориентированная линия общественного развития. Социализм вместе с Россией, связавшей свою судьбу с ним, вышибли из истории. Вот уже более 25 лет Россия пытается всячески отделить себя от социализма, убедить мир, что у нее есть «нормальное» тысячелетнее прошлое с царями, священникам, помещиками, капиталистами; что о ней нельзя судить по короткому периоду, когда она была соблазнена и узурпирована большевистскими «дьяволами», да и эти 73 года она сопротивлялась: у нее были свои мученики, своя белая эмиграция, был генерал Власов и много еще подобных ему; что она порвала с коммунистическим прошлым, отменила его праздники, прокляла вождей, торжественно перезахоронила царя и объявила его святым; что разграбила государственную собственность, создала созвездие олигархов и так далее — словом, привела себя в приличный цивилизованный вид, но ей не верят. Да и сама она, кажется, не очень верит себе. Вместе с социализмом человечество лишилось альтернативного социального будущего. Капитализм, по всему похоже, остался без внутренних или внешних сил, несущих в себе его отрицание. Победив в холодной войне, он захватил будущее, именно гарантированное будущее является его основным трофеем.

7. Ощущение кризисности современного состояния цивилизации связано с осознанием окончательности ее победы, с мыслью, что это уже навсегда. Цивилизация достигла герметичности и ее существованию в историческом, социальном смысле ничто не угрожает. Ей принадлежит не только настоящее, но и будущее. Будущее для нее лишено риска, оно есть пролонгация ее настоящего, постоянно улучшаемого, но неизменного в сво-

их базовых принципах: частная собственность, власть денег, культ силы, рыночное общество, фетишизм потребления. Это состояние можно обозначить как будущее без будущего: физическое будущее без исторического (социального) будущего. Будущее как «после», но не как «другое».

У нас в общественных дискуссиях, в средствах массовой информации часто задаются вопросом: что мы строим, какое общество, на какие цели ориентируемся? За ним стоит ощущение некой образовавшейся пустоты в смысле социального будущего. Постоянно возобновляющиеся попытки сформулировать некую общенациональную идею являются выражением того же ощущения. Вопрос стоит так: от социализма мы отказались, что вместо него? Это не специфически русский вопрос, хотя в России, возможно, он звучит более остро и насущно; он касается и более развитых и благополучных стран Запада, которые также никуда перескакивать не собираются. Надо задуматься, насколько правомерен сам вопрос? Может, будущее в физическом смысле вполне достаточно для социума, и стремление заполнить его идеальным общественным устройством является иллюзией, историческим анахронизмом? Является ли жизнеспособным такое состояние цивилизации, которое исключает качественное обновление социальных форм жизни и будущее которого представляет собой количественные изменения того, что есть? Существует ряд оснований думать, что такое состояние нежизнеспособно по ряду причин. Прежде всего это противоречит природе человека, сущность которого не дана в качестве факта, а задана в качестве долга и реализуется через его вторую природу — создаваемую им искусственную среду социальной жизни. Каждое поколение социума, опираясь на достигнутое, в то же время начинает заново, привносит свое, другое, чем то, что было.

Далее, цивилизационный застой противоречит всему пафосу культуры, ее гуманистическим идеалам, которые питались мечтами об идеальном обществе. Наконец, если будущее окажется закрытым для идеальных устремлений людей, то они найдут другой выход, в самом очевидном варианте — устремятся в прошлое или в воображаемый мир. Так это и происходит, как показали последние десятилетия постсоциалистического развития. С одной стороны, религии, триумфально вернувшиеся в публичное пространство, с другой — международный терроризм фундаменталистской ориентации пытаются заполнить ту историческую пустоту, которая образовалась в связи с крушением социалистического мира и отказом, если можно так выразиться, от идеала и идеального общества.

Словом, можно сказать, кризис цивилизации имеет много причин и проявлений. Одна из важных, быть может, самых важных из них — это отказ от общественного идеала, потеря самого будущего.